ДРАКОНЬИ ДОГОВОРЫ · КНИГА ПЕРВАЯ

АЛИСА ВЕРНЕР

Нотариус
ДЛЯ ДРАКОНА

или Заверено магией

Алиса Вернер

«Нотариус для дракона, или Заверено магией»

https://litres.ru/74725077
SelfPub; 2026

Аннотация

Полина Ветрова — нотариус из Новосибирска. Она никогда ничего не подписывает, пока не прочитает каждую строчку. Одно письмо, засветившееся у неё в руках, — и Полина уже в Эльварде, с сумкой, печатью и томом реестра. Король просит заверить ультиматум северному дракону: перевалы Хрустального Зуба принадлежат короне, пятисотлетний договор нарушен. Только Полина видит, что в договоре тускнеют четыре пункта. А сам дракон Ардаррах оказывается не чудовищем, а усталым хранителем гор, который пятьсот лет держит снега над деревнями и спит среди тысячи свитков. Кто вырезал куски из драконьей кожи? Почему толмач короны прячет глаза? И что делать нотариусу, если на шее дракона затягивается цепь с его истинным именем? Полине придётся выучить драконий язык, провести сличение на глазах у всего королевства и понять, что некоторые подписи светятся ярче других.

Содержание

Глава 1. Тайна нотариального действия 4
Глава 2. Свидетельствование подлинности подписи 20
Глава 3. Апостиль 36
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Алиса Вернер
«Нотариус для дракона, или Заверено магией»

Глава 1. Тайна нотариального действия

Нотариус не обязан верить. Нотариус обязан проверить. Вера — это для тех, у кого нет реестра.
— Из рабочей тетради П. С. Ветровой

Меня зовут Полина Сергеевна Ветрова, мне тридцать один год, и я никогда ничего не подписываю, не прочитав.

Это не фигура речи. Это профессиональная деформация. Семь лет назад я сдала квалификационный экзамен, получила лицензию и открыла нотариальную контору на первом этаже панельной девятиэтажки в Октябрьском районе Новосибирска. Вывеска синяя, буквы белые, у двери — пандус, который я пробивала через управляющую компанию полгода. Внутри — приёмная на шесть стульев, кулер, фикус и мой кабинет. В кабинете — стол, сейф, принтер, печать и шкаф с реестрами.

Реестры — это моя гордость. Шестнадцать томов. Каждое

нотариальное действие, совершённое мной за семь лет, — там. Номер, дата, кто пришёл, что удостоверено, какой тариф взыскан. Каждую строчку я заполняла сама. Каждую подпись видела своими глазами.

Мой помощник Тимур говорит, что реестры у меня вместо личной жизни. Он не очень ошибается.

Три года назад я была помолвлена. Его звали Игорь, он работал в банке, был умным, симпатичным и очень весёлым. За две недели до свадьбы он принёс мне на подпись брачный договор, который составил его юрист. Я прочитала. Все восемь страниц. На шестой нашла пункт, по которому в случае развода квартира, купленная мной до брака, отходила ему. Мелким шрифтом. В подпункте «е».

Я вычеркнула подпункт «е». Игорь сказал, что это техническая ошибка юриста. Я сказала, что технических ошибок в подпункте «е» не бывает. Игорь сказал, что жить со мной — всё равно что жить с договором: всё по пунктам, ничего на веру.

Свадьбы не было.

Иногда, по вечерам, когда я заполняю реестр и в конторе тихо, я думаю, что он был прав. А потом вспоминаю подпункт «е».

Ольга Петровна Соколова пришла ко мне в середине января, в четверг, в одиннадцать сорок.

Я запомнила время, потому что она была записана на

одиннадцать тридцать, а пришла с опозданием на десять минут. И извинялась за это ещё пять минут, стоя в дверях моего кабинета, в заснеженной шапке и пуховике, с сумкой, которую прижимала к груди обеими руками.

— Простите, — повторяла она. — Автобус. Снег. Простите, пожалуйста.

— Ничего, — сказала я. — Садитесь. Снимите пуховик, у нас тепло.

Она села. Пуховик не сняла. Шапку — тоже. Только сумку переложила на колени и продолжала держать обеими руками, будто в ней было что-то, что может убежать.

Ей было лет шестьдесят. Маленькая, худенькая, с седыми волосами, выбившимися из-под шапки. Лицо — усталое, доброе, с глубокими морщинами у глаз. Такие морщины бывают у людей, которые много плакали, а потом долго учились не плакать.

— Чем могу помочь? — спросила я.

— Моя дочь, — сказала она. — Вера. Вера Андреевна Соколова. Она пропала.

Я взяла ручку.

— Когда?

— Пятнадцать месяцев назад. В октябре позапрошлого года. Она работала в аудиторской фирме, на Красном проспекте. Задержалась на работе вечером. Охранник говорит, свет погас во всём офисе. Минут на десять. А когда включили — её нет. Компьютер включён, сумка на стуле, куртка на

вешалке, телефон на столе. А её нет.

Я записывала. Ровно, разборчиво.

— Полиция?

— Искали. Год. — Ольга Петровна сжала ремень сумки. — Камеры ничего не показали. Из здания она не выходила. Просто… исчезла. Мне сказали: подавайте в суд на признание безвестно отсутствующей. Чтобы решить вопросы с квартирой. У неё ипотека. Банк звонит. Я плачу сама, со своей пенсии и с подработки, но я долго не смогу. И кот… — Она запнулась. — Кот тоже пропал. Через год. Соседка его кормила, а потом однажды пришла — а его нет. Окна закрыты. Дверь заперта.

Я подняла глаза от записей.

— Ольга Петровна, — сказала я осторожно, — признание безвестно отсутствующей — это судебная процедура. Не нотариальная. Я могу проконсультировать, помочь подготовить документы, оформить доверенности, если нужно. Но решение принимает суд.

— Я знаю, — сказала она. — Мне юрист в собесе объяснил. Я не за этим.

— А за чем?

Ольга Петровна долго молчала. Потом расстегнула сумку. Медленно, очень осторожно, будто там лежало что-то хрупкое. И достала конверт.

Белый. Обычный. Плотная бумага. На лицевой стороне — круглым, аккуратным, бухгалтерским почерком: «Маме. От

Веры».

— Это пришло двадцать второго декабря, — сказала она. — Утром. Я сидела на кухне. Пила чай. А оно появилось. На столе. Прямо из воздуха. Рядом с чашкой.

Я смотрела на конверт.

— Из воздуха, — повторила я. Ровно. Без выражения.

— Я знаю, как это звучит, — сказала Ольга Петровна. — Я знаю. Я сама себе не поверила. Я думала, что схожу с ума. Я пошла к врачу. Он выписал мне таблетки. Я их пью. — Она подняла на меня глаза. — Но письмо-то никуда не делось. Оно лежит. Я его каждое утро проверяю. Оно лежит.

— Ольга Петровна…

— Это её почерк, — перебила она. Голос дрогнул. — Её. Я этот почерк тридцать лет знаю. С первого класса. Она так букву «д» пишет — с хвостиком вниз. И «т» — как три палочки. Никто так не пишет. Только она.

Она протянула мне конверт.

— Мне нужно, чтобы кто-нибудь посмотрел, — сказала она тихо. — Кто-нибудь, кто разбирается в документах. Кто-нибудь, кому верят. И сказал мне — это настоящее или я сошла с ума.

Я не графолог. Я не эксперт-криминалист. Я не могу провести почерковедческую экспертизу. Я так ей и сказала.

А потом взяла конверт.

И сразу почувствовала что-то странное.

Не знаю, как описать. Бумага была обычной — плотной, хорошей, чуть желтоватой, как старая писчая. Но когда я взяла её в руки, мне показалось, что она тёплая. Не как бумага, полежавшая на батарее. А как ладонь человека.

Я открыла конверт. Внутри — восемь листов. Исписанных тем же круглым почерком. Ровные строчки. Аккуратные поля.

«Мама. Не волнуйся. Я жива. Я счастлива. Я вышла замуж. Его зовут Рейнар, он очень хороший, хотя иногда дурак…»

Я читала.

Медленно. Внимательно. Как читаю всё. Каждую строчку. Каждое слово. Привычка. Подпункт «е».

Про другой мир. Про академию. Про магию. Про цифры, которые она видит над людьми. Про золото, которое оказалось иллюзией. Про реку, которая замёрзла весной. Про брачный договор в двадцать три редакции. Про кота, который стал волшебным.

Это было безумие. Абсолютное, полное, клиническое безумие. Если бы мне принесли такой текст на удостоверение, я бы вежливо отказала и посоветовала обратиться к специалисту.

Но буквы светились.

Я моргнула. Потёрла глаза. Посмотрела снова.

Буквы светились. Едва заметно. Тёплым, ровным, золотистым светом. Как будто кто-то подсветил их изнутри. Каж-

дую букву. Каждое слово. Каждую строчку.

А на последней странице, внизу, под подписью «Твоя Вера», была одна строчка, подчёркнутая дважды:

«Я нашла место, где сходится баланс».

Она светилась ярче всех.

Я положила листы на стол. Очень аккуратно. Сложила руки на коленях. Посмотрела на Ольгу Петровну.

— Ольга Петровна, — сказала я. — Вы видите, что буквы светятся?

Она смотрела на меня. Растерянно.

— Светятся? — переспросила она. — Нет. Это просто бумага. Просто чернила.

Я посмотрела на письмо снова. Буквы светились.

Ровно. Тепло. Золотисто.

— Хорошо, — сказала я.

Я не знаю, почему я это сделала.

Нет, неправда. Знаю.

Семь лет я ставлю подписи под документами. Семь лет я смотрю людям в глаза и спрашиваю: «Вы понимаете, что подписываете? Это ваша воля? Вас никто не принуждает?» И семь лет я учусь видеть, когда человек врёт. Когда наследник торопит умирающую бабушку подписать завещание. Когда муж стоит за спиной у жены, подписывающей отказ от доли. Когда подпись дрожит не от старости, а от страха.

Я никогда не видела, чтобы буквы светились. Но я всегда

— всегда — знала, когда подпись настоящая.

А эта была настоящей.

Я не могу этого доказать. Не могу удостоверить. Не могу внести в реестр.

Но я знала.

— Ольга Петровна, — сказала я. — Я не эксперт. Я не могу дать вам заключение. Но если вы спрашиваете моё мнение — мнение человека, который семь лет каждый день смотрит на подписи, — это письмо написала ваша дочь. Сама. Добровольно. И она… — я помедлила, подбирая слово, — она искренна. Каждое слово.

Ольга Петровна смотрела на меня. Долго.

Потом её лицо медленно, как будто по частям, начало меняться. Сначала дрогнули губы. Потом подбородок. Потом глаза. Потом она закрыла лицо руками, прямо в варежках, и заплакала.

Не так, как плачут от горя. Так, как плачут, когда наконец-то можно.

Я встала. Обошла стол. Налила воды из кулера в пластиковый стаканчик. Поставила перед ней. Положила рядом пачку бумажных платков, которые всегда держу в ящике стола — у нотариусов плачут чаще, чем в кабинетах психотерапевтов.

И села рядом. На соседний стул. Не за стол.

Тимур, заглянувший в кабинет, чтобы сказать, что следующий посетитель ждёт, посмотрел на нас, тихо закрыл дверь и, как я потом узнала, перенёс следующего на час.

Ольга Петровна приходила ко мне весь год.

Сначала — по делу. Мы оформили доверенность на её имя от управляющей компании, чтобы она могла распоряжаться квартирой Веры. Я помогла ей составить письмо в банк о реструктуризации ипотеки. Мы подготовили документы для суда — на признание безвестно отсутствующей. Не на признание умершей. Ольга Петровна сказала: «Умершей — никогда. Я знаю, что она жива. У меня письмо».

Суд признал Веру Андреевну Соколову безвестно отсутствующей в апреле. Над квартирой учредили доверительное управление. Ипотеку банк заморозил на год.

Потом Ольга Петровна стала приходить просто так.

Приносила пирожки — с капустой, с яблоками, с картошкой. Тимур съедал их за полчаса и говорил, что ради них готов работать бесплатно. Я не позволяла.

Она садилась на стул у моего стола, пока я заполняла реестр, и рассказывала. Про Веру. Какая она была в детстве — серьёзная, упрямая, вечно с калькулятором. Как она в девятом классе нашла ошибку в квартальном отчёте школьной столовой и директор полгода с ней не здоровался. Как она подобрала кота у подъезда, мокрого и злого, и назвала его Дебетом. Как она работала по ночам и звонила маме в одиннадцать вечера, чтобы сказать «всё нормально».

А я слушала. И заполняла реестр. И иногда — очень редко — рассказывала что-то о себе.

Про подпункт «е». Про шестнадцать томов реестров. Про то, что я, кажется, единственный нотариус в Новосибирске, который читает каждый документ до последней буквы, даже доверенности на получение пенсии.

Ольга Петровна слушала. И однажды сказала:

— Вы с ней похожи. С Верочкой.

— Чем?

— Вы обе не подписываете, пока не прочитаете. — Она помолчала. — Она тоже была одна. Долго. Все говорили — найди себе кого-нибудь, Вера, ты же с одними отчётами живёшь. А она говорила — когда найду того, кто сам читает, тогда и найду.

— Нашла? — спросила я.

Ольга Петровна достала из сумки письмо. Она носила его с собой всегда. Развернула. Нашла пятую страницу.

— «Его зовут Рейнар, — прочитала она вслух. — Он переписывал брачный договор двадцать три раза. В первых двадцати двух был пункт про ворона, а не про кота».

Я рассмеялась. Впервые за долгое время — по-настоящему.

А буквы на странице, когда Ольга Петровна читала, светились. Ровно. Тепло. Золотисто.

Я их видела. Каждый раз.

В ноябре Ольга Петровна принесла мне другое письмо.

Своё.

Тоже белый конверт. Тоже аккуратный почерк — только другой: острый, с сильным нажимом, школьный, учительский. Ольга Петровна сорок лет преподавала русский язык в средней школе на Затулинке.

— Это ответ, — сказала она. — Вере. Она написала, что на каждый Солнцеворот, двадцать второго декабря, её муж будет открывать… — она помедлила, — проход. Чтобы она могла написать мне. Я думаю… а вдруг в обратную сторону тоже можно? Вдруг, если я положу письмо на стол, туда, где появилось её, — оно уйдёт?

— Может быть, — сказала я.

Я так не думала. Я вообще не знала, что думать. Но я видела буквы, которые светились.

— Полина Сергеевна, — сказала Ольга Петровна. — Я хочу, чтобы вы заверили.

Я моргнула.

— Что заверила?

— Письмо, — сказала она. — Моё. Что это я написала. Сама. Что это моя подпись. — Она смотрела на меня очень серьёзно. — Верочка всю жизнь ничего не принимала на веру. Ни одной бумажки. Ни одной цифры. Я хочу, чтобы она получила моё письмо и знала, что оно настоящее. Что его заверил нотариус. Как положено.

Я смотрела на неё.

— Ольга Петровна, — сказала я. — Свидетельствование подлинности подписи на частном письме… это… это не со-

всем…

— Не положено?

— Не принято, — поправила я. — Положено — можно. Основы законодательства о нотариате, статья восьмидесятая. Нотариус свидетельствует подлинность подписи на документе, содержание которого не противоречит закону. — Я помолчала. — Ваше письмо закону не противоречит.

— Тогда заверьте, — сказала Ольга Петровна.

И я заверила.

Она подписала письмо при мне. Я проверила паспорт. Сверила подпись. Поставила удостоверительную надпись: «Город Новосибирск, двадцатое ноября. Я, Ветрова Полина Сергеевна, нотариус нотариального округа города Новосибирска, свидетельствую подлинность подписи Соколовой Ольги Петровны, которая сделана в моём присутствии. Личность подписавшего установлена». Номер в реестре. Тариф. Печать. Подпись.

Ольга Петровна смотрела, как я ставлю печать, и улыбалась.

А когда я поставила подпись, удостоверительная надпись вспыхнула.

Не тускло, как буквы в письме Веры. Ярко. На одну секунду. Белым, чистым, звонким светом. Как будто кто-то щёлкнул выключателем.

И погасла.

Я замерла с ручкой в руке.

Ольга Петровна ничего не заметила. Она уже убирала письмо в конверт, бережно, двумя руками.

— Спасибо, Полина Сергеевна, — сказала она. — Теперь Верочка точно поверит.

Вечером я долго сидела в пустой конторе.

Тимур ушёл. Свет в приёмной погашен. Только моя настольная лампа горит. На столе — раскрытый реестр. Шестнадцатый том. Последняя запись — номер 2314. Свидетельствование подлинности подписи Соколовой О. П. на письме.

Я смотрела на эту строчку.

Потом взяла с полки первый том. Семилетней давности. Открыла на первой странице.

Запись номер один. Моя первая. Доверенность на продажу гаража. Бабушка из соседнего дома, восемьдесят два года. Я тогда так волновалась, что три раза переспросила, понимает ли она, что подписывает. Она рассмеялась и сказала: «Деточка, я этот гараж ненавижу сорок лет. Продавай скорее».

Я провела пальцем по строчке.

Она засветилась.

Слабо. Едва заметно. Но — засветилась.

Я перевернула страницу. Провела пальцем по второй записи. Засветилась. Третья. Четвёртая. Пятая. Все — тёплым, ровным светом.

А на двенадцатой странице — нет.

Запись номер сто восемьдесят шесть. Завещание. Дедуш-

ка, девяносто лет, всё имущество — внуку. Я помнила его. Он был очень тихим. Внук стоял в коридоре и всё время заглядывал в дверь. Я спросила дедушку трижды — это ваша воля? Он трижды сказал: да. Я удостоверила.

Строчка была тёмной. Мёртвой. Как погасшая лампочка.

Я сидела и смотрела на неё. Очень долго.

Через два месяца после того завещания дедушкина дочь подала в суд. Утверждала, что отец был под давлением. Суд не нашёл доказательств. Завещание осталось в силе.

А строчка в моём реестре была тёмной.

Я закрыла реестр. Положила обе ладони на обложку. И сидела так, в тишине, при свете настольной лампы, пока за окном не начало светать.

Я не сошла с ума. Я это знала.

Просто что-то изменилось. С того дня, как я взяла в руки письмо из другого мира. Что-то во мне открылось. Как дверь, которую долго держали запертой.

И теперь я видела то, что всегда только чувствовала.

Подлинность.

Двадцать первого декабря Ольга Петровна позвонила мне в девять вечера.

— Полина Сергеевна, — сказала она. Голос дрожал. — Простите, что так поздно. Я… я хочу попросить. Это глупо. Я знаю. Но… вы не могли бы прийти завтра? Ко мне. Утром. Двадцать второго. На кухню.

— Зачем?

— Затем, — сказала Ольга Петровна, — что если письмо уйдёт… если оно правда уйдёт… я хочу, чтобы кто-то это видел. Кроме меня. Чтобы потом, когда я буду думать, что сошла с ума, — я могла позвонить вам. И вы бы сказали: нет, Ольга Петровна, я видела.

Я молчала.

— Вы же свидетель, — сказала Ольга Петровна. — Это ваша работа. Свидетельствовать.

— Удостоверять, — поправила я машинально.

— Удостоверять, — согласилась она. — Удостоверьте мне, пожалуйста, что я не сошла с ума.

Я долго смотрела в тёмное окно своей квартиры. На снег. На огни соседних девятиэтажек. На свою пустую кухню, где на столе лежал раскрытый реестр, который я теперь приносила домой каждый вечер, чтобы смотреть, как светятся строчки.

— Во сколько? — спросила я.

— В семь утра, — сказала Ольга Петровна. — Оно пришло в семь двенадцать. В прошлом году.

— Я буду в шесть сорок пять, — сказала я.

Я положила трубку. Посмотрела на реестр.

Потом, сама не знаю зачем, достала из шкафа дорожную сумку. Положила туда паспорт. Печать. Новый, семнадцатый том реестра — чистый, ещё без единой записи. Бланки. Три ручки. Запасную.

И «Основы законодательства о нотариате» в мягкой обложке, с закладками на каждой третьей странице.

Я не знала, зачем.

Нотариус не обязан верить. Нотариус обязан быть готов.

Глава 2. Свидетельствование подлинности подписи

Прежде чем подписать, спроси: кто вторая сторона, что она обещает и что будет, если не выполнит. Если на все три вопроса нет ответа — не подписывай. Если есть — всё равно перечитай.

— Из рабочей тетради П. С. Ветровой

Кухня Ольги Петровны была именно такой, как в письме Веры.

Жёлтые обои в мелкий цветочек. Старый холодильник «Бирюса» с магнитом на дверце — Байкал, синяя вода, белые скалы, надпись «Лиственница». Клеёнка на столе в красную клетку. Чайник со свистком. Окно, за которым в декабрьской темноте горели окна соседней девятиэтажки и стояли голые тополя, укрытые снегом.

Я пришла в шесть сорок три. На две минуты раньше. Ольга Петровна открыла дверь раньше, чем я позвонила, — она стояла в прихожей и ждала.

— Чаю? — спросила она.

— Да, спасибо.

Мы сели за стол. Друг напротив друга. Между нами — две чашки чая, тарелка с пирожками и белый конверт. Письмо Ольги Петровны. С моей удостоверительной надписью.

Ольга Петровна положила его ровно туда, где год назад появилось письмо Веры. Рядом с чашкой. Справа от сахарницы. Она показала мне это место трижды. Даже отмерила пальцами — два пальца от края стола, три пальца от чашки.

Моя дорожная сумка стояла у двери. Я не стала объяснять, зачем взяла её. Ольга Петровна не спросила.

Шесть пятьдесят. Шесть пятьдесят пять. Семь.

Мы пили чай. Молча. Ольга Петровна смотрела на конверт. Я смотрела на часы на стене — старые, круглые, с кукушкой, которая давно не кукует.

Семь пять. Семь восемь. Семь десять.

— Может быть, — сказала Ольга Петровна тихо, — может быть, это не каждый год. Может быть, я…

Семь двенадцать.

Свет на кухне погас.

Не так, как гаснет при перебоях с электричеством. Не щёлкнуло, не мигнуло. Просто погас. Весь. Сразу. Лампочка под потолком, огонёк на чайнике, подсветка часов на микроволновке. Даже окна соседнего дома за стеклом — погасли.

А потом над столом, над клеёнкой в красную клетку, между двумя чашками чая, засветился воздух.

Тонко. Дрожаще. Как марево над летней дорогой. Голубоватым, холодным, мерцающим светом. Оно стало расти — шире, выше, — и я увидела, как в нём проступает…

Комната.

Каменная. Высокий сводчатый потолок. Шары света, висящие в воздухе без всякой опоры. На полу — серебряный круг из проволоки и знаки, бегущие по нему. А в центре круга, прямо напротив нас, — люди.

Женщина. Лет тридцати. Высокая, худая, с тёмными волосами, заплетёнными в косу. В тёмно-синем платье странного покроя — длинном, с серебряной вышивкой по подолу. Лицо — бледное, напряжённое, с огромными глазами.

За её плечом — мужчина. Очень высокий. Черноволосый. С резким, будто высеченным из камня лицом. В серой мантии. Его руки были подняты, и между пальцами у него бежали тонкие белые искры — как иней на стекле.

И кот. Огромный, рыжий, с порванным ухом. Он сидел на краю серебряного круга и смотрел прямо на меня. Немигающими жёлтыми глазами.

Над его головой — я не знаю, как я это увидела, но увидела — горели цифры. Бледные, едва заметные. «130».

— Мама, — сказала женщина.

Ольга Петровна вскочила. Чашка опрокинулась. Чай растёкся по клеёнке.

— Верочка, — прошептала она. — Верочка. Это ты.

— Это я, мама. — Вера улыбалась. Плакала и улыбалась одновременно. — Мама, у нас мало времени. Рейнар держит проход. В этот раз — в обе стороны. Колодец переполнен. Но только на несколько минут. Мама, я тебя вижу. Ты похудела. Ты пьёшь свои таблетки от давления?

— Пью, — всхлипнула Ольга Петровна. — Пью, Верочка. Ты-то как? Ты не голодная? Он тебя кормит?

— Кормит, мама. Засахаренными орехами.

Мужчина за плечом у Веры, не опуская рук, что-то тихо сказал. Вера кивнула, не оборачиваясь.

— Мама, — сказала она быстро. — Мама, кто это с тобой?

Ольга Петровна обернулась ко мне. Утирая слёзы ладонью.

— Это Полина Сергеевна, — сказала она. — Нотариус. Она заверила моё письмо тебе. Чтобы ты поверила.

Вера посмотрела на меня. Сквозь мерцающий воздух. Долго. Очень внимательно.

Я выдержала её взгляд. Семь лет я выдерживаю взгляды людей, которые пытаются понять, можно ли меня уговорить подписать что-то, не читая. Нельзя.

— Нотариус, — повторила Вера медленно.

— Нотариус, — подтвердила я. — Ветрова Полина Сергеевна. Нотариальный округ города Новосибирска. Лицензия номер…

— Рейнар, — сказала Вера, не отводя от меня глаз. — Рейнар, это нотариус.

— Я слышал, — сказал мужчина за её спиной. Голос был низкий и очень ровный. — Вера, у нас три минуты.

— Я знаю. — Вера шагнула ближе к краю круга. — Полина Сергеевна. Можно вопрос?

— Можно.

— Вы читаете документы до конца? Все? Каждую строчку?

— Да, — сказала я.

— Даже если это доверенность на получение пенсии?

— Особенно если это доверенность на получение пенсии.

Вера смотрела на меня. А потом медленно, очень медленно улыбнулась. Так улыбаются люди, которые долго искали ошибку в отчёте и наконец нашли.

— Мама, — сказала она, не отрывая от меня глаз. — Ты принесла мне в Солнцеворот нотариуса.

— Я принесла тебе письмо, — растерянно сказала Ольга Петровна.

— Ты принесла мне нотариуса, — повторила Вера. — Полина Сергеевна. У нас здесь проблема. Большая. Очень. И мне кажется, вы — единственный человек, который может её решить.

Она рассказала за полторы минуты. Быстро, чётко, по пунктам — как докладывают на совещании, когда время ограничено.

Королевство Эльвард. Северные горы. Дракон. Ему девятьсот лет. Пятьсот лет назад он заключил договор с первым королём — о перевалах, о границах, о праве прохода. Теперь дракон требует предъявить подлинник. Подлинник написан драконьими чернилами, на драконьем языке. Прочесть его в королевстве может только один человек — при-

дворный толмач. И толмач говорит одно. А дракон — другое. Если договор признают недействительным — перевалы отойдут дракону. Если король откажется — будет война.

— Нам нужен нотариус, — сказала Вера. — Не толмач. Не юрист. Нотариус. Человек, который читает каждую строчку и не подписывает, пока не поймёт каждое слово. Человек, которому поверят обе стороны. — Она помолчала. — У нас таких нет. Здесь вообще нет нотариусов. Есть писцы и судьи. А писцы пишут, что им скажут, а судьи решают, кто прав. А нам нужен тот, кто удостоверит, что есть.

Я молчала.

— Две минуты, — сказал Рейнар.

— Полина Сергеевна, — сказала Вера. — Я понимаю, что прошу невозможного. Вы меня не знаете. Вы не знаете этот мир. У вас там жизнь, работа, контора. Я не имею права просить. Я сама попала сюда без спроса и год злилась на того, кто меня вытащил. — Она бросила быстрый взгляд через плечо, на Рейнара. Он, кажется, едва заметно улыбнулся. — Поэтому я не прошу. Я предлагаю.

— Что именно?

— Договор, — сказала Вера.

И протянула руку сквозь мерцающий воздух.

В её пальцах был сложенный лист бумаги.

Я смотрела на этот лист.

Потом на Ольгу Петровну. Она стояла у стола, прижав ла-

дони к губам, и смотрела на дочь.

Потом на свою дорожную сумку у двери кухни. С паспортом, печатью, чистым семнадцатым томом реестра и «Основами законодательства о нотариате» с закладками на каждой третьей странице.

Я протянула руку. Сквозь мерцающий воздух. Он был холодным, как зимнее утро, и чуть покалывал кожу, как газированная вода.

Пальцы Веры коснулись моих. Тёплые. Живые. Настоящие.

Я взяла лист.

— Минута сорок, — сказал Рейнар.

Я развернула.

«ДОГОВОР О ВРЕМЕННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Корона королевства Эльвард в лице Главного ревизора короны В. А. Дарт, действующей на основании личного поручения его величества короля Эдмара Второго, далее — Сторона Первая, и госпожа П. С. Ветрова, нотариус, далее — Сторона Вторая, заключили настоящий договор о нижеследующем.

1. Срок. С момента перехода Стороны Второй в королевство Эльвард до ближайшего Зимнего Солнцеворота. По истечении срока Сторона Вторая вправе вернуться в свой мир или продлить договор по своему выбору.

2. Предмет. Сторона Вторая обязуется совершать нотари-

альные действия, необходимые для разрешения спора между короной и драконом Ардаррахом о договоре о северных перевалах, в том числе: удостоверение подлинности документов, свидетельствование верности перевода, удостоверение сделок.

3. Сторона Первая обязуется: обеспечить Сторону Вторую жильём, питанием, охраной, доступом к любым документам королевства; обеспечить возвращение Стороны Второй в её мир в ночь Зимнего Солнцеворота без вреда для здоровья; выплачивать вознаграждение в размере, установленном его величеством.

4. Сторона Вторая вправе отказать в совершении любого нотариального действия по своему усмотрению.

5. Споры разрешаются за ужином».

Я дочитала. Подняла глаза.

— Минута двадцать, — сказал Рейнар.

— Пункт пятый, — сказала я.

Вера покраснела.

— Это… это семейное, — сказала она. — Можете вычеркнуть.

— Не буду, — сказала я. — Он мне нравится. — Я посмотрела на лист снова. — Но здесь не хватает трёх пунктов.

Вера моргнула.

— Каких?

— Первое, — сказала я. — Пункт четвёртый. «Вправе отказать по своему усмотрению». Это слишком широко. Так нельзя. Нотариус не может отказывать по усмотрению. Только по основаниям. Допишите: «если нотариальное действие противоречит закону, если сторона действует не по своей воле, или если оно противоречит совести нотариуса». Совесть — тоже основание. Я так решила.

— Минута, — сказал Рейнар.

Вера смотрела на меня с открытым ртом.

— Второе, — сказала я. — Пункт третий. «Вознаграждение в размере, установленном его величеством». А если его величество установит ноль? Укажите сумму. Или хотя бы — «не ниже вознаграждения Главного ревизора короны».

— Мне платят с продажи роз, — растерянно сказала Вера.

— Значит, с продажи роз, — сказала я. — Не ниже. Записываю.

Я достала из кармана ручку — у меня всегда в кармане ручка, и всегда синяя, — положила лист на клеёнку в красную клетку, прямо в лужицу пролитого чая, и дописала. Ровным, мелким, разборчивым почерком.

— Сорок секунд, — сказал Рейнар. Голос у него стал напряжённым. Иней на его пальцах сверкал ярче.

— Третье, — сказала я, дописывая. — Новый пункт. Шестой. «Стороны обязуются на каждый Зимний Солнцеворот,

на весь срок действия договора и после его окончания, обеспечивать передачу писем между Ольгой Петровной Соколовой и её дочерью Верой Андреевной Дарт. В обе стороны».

Я подняла голову.

Ольга Петровна стояла у стола и плакала. Вера стояла по ту сторону мерцающего воздуха и плакала тоже.

— Тридцать секунд, — сказал Рейнар.

Я подписала.

«П. С. Ветрова».

И договор вспыхнул.

Не тускло, как письмо Веры. Не ярко, как моя удостоверительная надпись. А так, как я никогда не видела. Весь лист. Каждая строчка. Каждое слово. Каждая буква — и моя, и Верина. Белым, чистым, звенящим светом. Как будто кто-то зажёг внутри бумаги солнце.

Вера ахнула.

— Это… что это?

— Подлинность, — сказала я. — Все подписи — подлинные. Все обещания — искренние. Договор действителен.

— Двадцать секунд!

Я протянула договор Вере сквозь мерцающий воздух. Она взяла его. Посмотрела на свою подпись, на мои приписки, на мою подпись. Подняла глаза.

— Вы подписали, — прошептала она.

— Я прочитала, — сказала я. — И подписала. В таком порядке.

Я встала. Взяла дорожную сумку от двери. Повесила на плечо.

Обернулась к Ольге Петровне.

— Ольга Петровна, — сказала я. — В моей конторе, в верхнем ящике стола, лежит заявление в Нотариальную палату о приостановлении полномочий. На год. Я написала его вчера вечером. Просто на всякий случай. Отдайте, пожалуйста, Тимуру. Он знает, что делать. И отдайте ему ключи от сейфа — они в сумке, во внешнем кармане. И скажите ему, что пирожки с капустой лучше, чем с картошкой. Он спорит.

Ольга Петровна смотрела на меня. С мокрыми щеками.

— Вы написали заявление вчера, — сказала она медленно.

— Нотариус не обязан верить, — сказала я. — Нотариус обязан быть готов.

— Десять секунд! — Голос Рейнара сорвался.

Ольга Петровна вдруг шагнула ко мне. И обняла. Крепко. Изо всех сил. От неё пахло пирожками, чаем и валерьянкой.

— Береги её, — прошептала она мне в ухо. — Верочку. Она упрямая. Она одна никого не слушает.

— Я тоже, — сказала я.

— Я знаю, — сказала Ольга Петровна. — Поэтому вы подходите.

Она отпустила меня.

Я шагнула к мерцающему воздуху над столом.

Прямо через клеёнку в красную клетку, через лужицу

пролитого чая, через тарелку с пирожками — я не стала их сдвигать, не было времени. Мерцающий воздух коснулся моего лица. Холодный. Покалывающий. Пахнущий снегом, воском и чем-то незнакомым, острым, как после грозы.

Последнее, что я видела, обернувшись через плечо, — маленькую кухню с жёлтыми обоями, холодильник с магнитом «Листвянка», и Ольгу Петровну, стоящую у стола, прижимая к груди письмо от дочери, которое так и не успело уйти.

— Письмо! — крикнула я. — Ольга Петровна, ваше письмо!

Она посмотрела на конверт в своих руках. Потом — на меня.

И бросила.

Через стол. Через мерцающий воздух.

Я поймала его на лету.

А потом мир перевернулся.

Я не упала.

Это первое, что я хочу сказать. Вера потом рассказывала, что, когда её перенесло, она упала спиной на каменный пол и долго лежала, не понимая, где верх, где низ. Я — не упала.

Меня протащило сквозь что-то холодное и узкое, как через трубу с ледяной водой. Потом стало жарко. Потом в ушах зазвенело. А потом я оказалась на ногах. На каменном полу. Посреди серебряного круга. В дублёнке, сапогах на низком каблуке, с дорожной сумкой на плече и письмом Ольги Пет-

ровны в руке.

И сразу — на всякий случай — проверила, на месте ли печать.

На месте.

Вокруг было много людей.

Вера — она бросилась ко мне, схватила за плечи, посмотрела в лицо, потом обняла. Крепко. Как её мама. Изо всех сил.

— Вы здесь, — сказала она. — Вы правда здесь.

— Я здесь, — сказала я. — Вот письмо от вашей мамы. Подлинность подписи засвидетельствована двадцатого ноября, реестровый номер две тысячи триста четырнадцать.

Вера взяла конверт. Посмотрела на мамин почерк. На мою удостоверительную надпись. На печать.

И засмеялась. И заплакала. И снова засмеялась.

Рейнар стоял у края круга, опустив руки. Иней на его пальцах медленно таял. Лицо — серое, усталое. Он посмотрел на меня поверх Вериной головы и чуть заметно кивнул.

— Магистр Рейнар Дарт, — сказал он. — Добро пожаловать в Эльвард, госпожа Ветрова.

— Полина Сергеевна, — сказала я. — Или просто Полина. Если вы держали проход открытым на сорок секунд дольше, чем рассчитывали, вы заслужили.

Он моргнул.

— Откуда вы знаете?

— У вас пальцы дрожат, — сказала я. — И иней на рукаве до локтя. В начале было до запястья.

Рейнар долго смотрел на меня. Потом медленно повернулся к Вере.

— Она такая же, как ты, — сказал он.

— Нет, — сказала Вера, вытирая слёзы. — Хуже. Она читает до конца даже доверенности на пенсию.

А потом ко мне подошёл кот.

Огромный. Рыжий. С порванным ухом. Он обошёл меня кругом, медленно, обнюхивая сапоги, дублёнку, сумку. Остановился. Сел. Поднял голову. Посмотрел на меня долгим, тяжёлым, оценивающим взглядом. Таким, каким налоговые инспекторы смотрят на декларацию, в которой подозревают ошибку.

Над его головой горело «130».

Я видела это так же ясно, как видела светящиеся строчки в своём реестре.

— Это Дебет, — сказала Вера. — Он…

— Я знаю, — сказала я. — Ваша мама рассказывала. Мокрый и злой. У подъезда.

Дебет смотрел на меня.

Потом медленно встал. Подошёл вплотную. И потёрся головой о мой сапог. Один раз. Коротко. Как ставят печать.

Вера тихо охнула.

— Он ни к кому так не подходит, — сказала она. — Только к королю.

— Значит, — сказала я, наклоняясь и осторожно, двумя пальцами, почёсывая рыжего кота за порванным ухом, — у нас с королём что-то общее.

А потом я подняла голову и огляделась.

И увидела.

Серебряный круг на полу, из которого я только что вышла, — светился. Не магическим голубым светом, который ещё пробегал по проволоке. Другим. Тем, что я видела в своём реестре. Белым, тёплым, ровным. Каждый знак в круге. Каждая руна. Как строчки, написанные честной рукой.

Подлинные.

Я посмотрела на стены. На каменной кладке кое-где были вырезаны надписи — старые, полустёртые, на незнакомом языке. Они светились тоже. Тускло. Но светились.

Я посмотрела на руку Веры, державшую письмо мамы. На безымянном пальце — тонкое серебряное кольцо. Оно светилось. Ярко. Чисто. Как договор, который я только что подписала.

Я посмотрела на руку Рейнара. Там тоже было кольцо. Такое же. И тоже светилось.

А между ними — я не знаю, как это описать, — между их кольцами, через всё расстояние, разделявшее их, тянулась тонкая, едва заметная золотая нить.

И над ней горело: «∞».

— Вера, — сказала я тихо. — Вы видите нить? Между

вами и мужем?

Вера медленно повернулась ко мне.

— Вы её видите? — прошептала она.

— Вижу, — сказала я. — Она светится. Как подлинный документ. — Я помолчала. — Самый подлинный, какой я видела в жизни.

Вера смотрела на меня очень долго.

Потом повернулась к Рейнару.

— Рейнар, — сказала она. — Она видит не цифры. Она видит правду.

Рейнар ничего не ответил. Только посмотрел на меня так, как смотрят на сложную формулу, которую никак не получается свести.

А Дебет у моих ног громко, отчётливо, с полным пониманием дела, чихнул.

Глава 3. Апостиль

Документ из другой страны ничего не стоит, пока его не узаконили. Человек из другого мира — тем более.
— Из рабочей тетради П. С. Ветровой

В Аркенхольм мы ехали четыре дня, и за эти четыре дня я узнала об Эльварде больше, чем за семь лет узнала о собственной Нотариальной палате.

Вера рассказывала. Всё. По порядку. Как отчитываются перед проверкой — сначала исходные данные, потом события, потом выводы. Про академию Тёрнхолл и проректора Вейса. Про королевскую казну и леди Кесс. Про Лиссу Брин, дочь мельника, которая держала падающую крышу. Про короля, который выращивает розы и платит Вере жалованье с их продажи.

— Мне тоже, — напомнила я. — Пункт третий. Не ниже вашего.

— Ему понравится, — сказала Вера. — Он любит, когда кто-нибудь торгуется.

Рейнар правил двуколкой и молчал. Дебет спал у меня на коленях. Он залез туда в первый же час пути, потоптался, лёг и больше не уходил. Вера сказала, что за два года он ни разу не спал ни у кого на коленях, кроме неё. Рейнар сказал, что это потому, что на моих коленях лежит реестр, а Дебет

любит документы. Я не стала спорить.

Я смотрела в окно.

И видела.

Весь этот мир светился. Не везде. Не всё. Но очень многое. Надписи на верстовых столбах — старые, вырезанные в камне, — светились ровным белым светом: «До Аркенхольма сорок миль». Правда. Вывеска постоялого двора, где мы ночевали, светилась тускло: «Лучшие постели в округе». Почти правда. Постели были неплохие. Но не лучшие. Табличка над лавкой на рыночной площади маленького городка не светилась вовсе: «Честные весы». Я попросила Веру взглянуть на весы. Вера взглянула. Над гирями горели цифры, которые не совпадали с выбитыми на них.

— Вы видите ложь, — сказала Вера медленно, когда мы вышли из лавки.

— Я вижу подлинность, — поправила я. — Ложь — это её отсутствие. Как темнота — это отсутствие света.

— Это одно и то же.

— Нет, — сказала я. — Ложь можно доказать. А отсутствие подлинности — только констатировать. Я не могу сказать, что эти весы врут. Я могу сказать, что надпись «Честные весы» не подлинная. Это разные вещи. Юридически.

Вера долго смотрела на меня.

— Рейнар, — сказала она. — Я хочу её в Совет.

— Она приехала два дня назад, — сказал Рейнар, не оборачиваясь.

— Я тоже приехала, и через неделю уже поправляла короля.

Король Эдмар Второй встретил нас в оранжерее.

Это было первое, что меня удивило. Я ожидала тронного зала, золота, придворных, церемоний. А нас провели через три коридора, два двора и одну крытую галерею в огромный стеклянный павильон, полный роз.

Розы были везде. Белые, красные, жёлтые, розовые, почти чёрные. В кадках, на шпалерах, в длинных грядах вдоль стеклянных стен. Пахло так, что кружилась голова.

А посреди всего этого, на коленях, в земле, в простой рубашке с закатанными рукавами, с садовыми ножницами в руке, сидел молодой человек лет двадцати восьми. Невысокий, худощавый, с растрёпанными светло-русыми волосами. На пальце правой руки — тяжёлое кольцо с сапфиром.

Кольцо светилось. Так ярко, что я зажмурилась.

— Ваше величество, — сказала Вера.

Король поднял голову. Посмотрел на Веру. На Рейнара. На меня. На Дебета у меня на руках.

— А, — сказал он. — Нотариус.

Он встал, отряхнул колени, вытер руку о штаны и протянул мне. Испачканную землёй.

Я пожала её.

И почувствовала — не так, как Лисса, Вера рассказывала мне про Лиссу, — а по-своему. Его рука была… подлинной.

Весь он был подлинным. Каждое движение. Каждое слово. Как документ, в котором нет ни одной исправленной цифры.

— Полина Сергеевна Ветрова, — сказала я. — Нотариус.

— Эдмар, — сказал король. — Король. Простите за землю. Я не ждал вас раньше вечера.

— Мы торопились, ваше величество, — сказала Вера.

— Я вижу. — Король посмотрел на меня. Внимательно. Карими, усталыми, очень умными глазами. — Госпожа Ветрова. Вера писала мне про вас. Вчера. Вороном. Она пишет, что вы видите, когда люди врут.

— Не совсем, ваше величество, — сказала я. — Я вижу, когда документ подлинный. И когда подпись сделана по доброй воле.

— А если документа нет?

— Тогда, — сказала я, — я вижу, подлинны ли слова. Если их произносят как обещание. — Я помолчала. — Вчера на постоялом дворе хозяин сказал: «Клянусь, у меня лучшее вино на тракте». Это было не подлинно.

Король рассмеялся.

— Это правда, — сказал он. — У старого Бэкки ужасное вино. Я там останавливался, когда был принцем. — Он посмотрел на меня ещё раз. Потом на свою руку, перепачканную землёй. Потом на розы вокруг. — Госпожа Ветрова, — сказал он медленно. — Можно я вам кое-что скажу? А вы скажете — подлинно это или нет?

— Можно.

— Я не хочу войны, — сказал король Эдмар Второй. Просто. Глядя мне в глаза. — Я не хочу воевать с драконом. Я не хочу отдавать ему перевалы. Я не хочу, чтобы мои люди на севере боялись выходить из домов. Я хочу, чтобы всё было по правде. Как было договорено пятьсот лет назад. Каким бы ни был этот договор.

Его слова светились.

Не ярко. Ровно. Тепло. Как строчки в моём первом реестре. Как моя первая запись — доверенность на продажу гаража, бабушке восемьдесят два года, «деточка, я этот гараж ненавижу сорок лет».

— Подлинно, ваше величество, — сказала я.

Король выдохнул.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда давайте работать.

Работать оказалось сложнее, чем я думала.

Первая проблема была не в драконе. Первая проблема была во мне.

— Вы не подданная, — сказал канцлер Пирс на следующее утро, в Зале Совета. Тощий, лысый, с бесконечно усталым лицом. Он смотрел на меня так, как смотрят на документ, к которому не прилагается ни одной справки. — Вы прибыли из иного мира. У вас нет ни одной бумаги, признанной в королевстве Эльвард. Ваша… — он заглянул в листок, — «лицензия нотариуса» выдана органом, которого не существует. Ваша «печать» — печатью не является, потому

что ни один реестр королевства её не знает. С точки зрения закона вы — частное лицо без статуса. Вы можете засвидетельствовать что угодно, но ваше свидетельство будет стоить столько же, сколько свидетельство любого прохожего на рыночной площади.

Я слушала. Внимательно. Не перебивая.

Потом сказала:

— Вы совершенно правы, господин канцлер.

Пирс моргнул. Члены Совета — их было девять, Вера мне всех назвала — переглянулись.

— Документ, выданный в одной стране, — сказала я, — не имеет силы в другой стране, пока его не легализуют. У нас это называется апостиль. Специальный штамп, который ставит уполномоченный орган. Он подтверждает подлинность подписи и печати на документе и даёт ему силу за границей. — Я помолчала. — Мне нужен апостиль. Не на документ. На меня.

— На вас? — переспросил генерал Ведд. Сухой, жилистый, с цепким взглядом.

— На мой статус, — сказала я. — Указ его величества. Утверждённый Советом. «Полина Сергеевна Ветрова признаётся нотариусом короны Эльвард с правом совершать нотариальные действия на всей территории королевства. Её печать и подпись имеют силу наравне с печатью королевской канцелярии». — Я посмотрела на канцлера. — И реестр. Мой реестр должен быть признан официальным. Каждая за-

пись в нём — документ.

Тишина.

— Это беспрецедентно, — сказал адмирал Хейл. Грузный, седой, громкий.

— Главный ревизор короны — тоже беспрецедентно, — сказал лорд-судья Арвен. Высокий старик в чёрной мантии, с белоснежной бородой. — Два года назад. Иностранка без подданства. Сейчас — лучшее, что случилось с казной за триста лет.

— Она хотя бы вышла замуж за подданного, — буркнул Хейл.

— Я не собираюсь выходить замуж, — сказала я.

Вера, сидевшая на скамье у стены, закашлялась. Рейнар рядом с ней сохранял каменное лицо, но я видела, как дрогнул уголок его рта.

— Мне не нужно подданство, — сказала я. — Мне нужен статус. Это разные вещи. Подданство — это когда ты принадлежишь государству. Статус — это когда государство признаёт, что твоя подпись что-то значит. — Я обвела взглядом Совет. — Вы просите меня удостоверить договор между короной и драконом. Если моя подпись ничего не значит для короны — она тем более ничего не значит для дракона. Он спросит: кто ты такая, чтобы заверять мой договор? А я отвечу: прохожий с рыночной площади. Как вы думаете, что сделает дракон?

Тишина стала другой.

— Указ, — сказал король. Он сидел во главе стола, в своём простом тёмно-синем камзоле, и смотрел на меня с выражением человека, который очень старается не улыбаться. — Пирс, подготовьте указ. Слово в слово, как сказала госпожа Ветрова.

— Ваше величество…

— Пирс.

Канцлер вздохнул. И взял перо.

Голосовали через час. Восемь «за». Один воздержавшийся — адмирал Хейл, который сказал, что «опять какая-то иномирянка будет всех учить читать», но голосовать против не станет, потому что «предыдущая всё-таки нашла тридцать миллионов».

Король подписал указ.

Я смотрела, как он ставит подпись. Как канцлер прикладывает печать. Как сургуч застывает тёмно-синей кляксой с короной.

Указ засветился.

Весь. Белым, чистым, ровным светом.

— Подлинно, — сказала я тихо.

Вторая проблема звалась Эрвин Сайм.

Нас представили в тот же вечер, в библиотеке королевской канцелярии. Длинный зал с дубовыми стеллажами до потолка, с лестницами на колёсиках, с узкими окнами, сквозь которые падал закатный свет. Пахло пылью, кожей и воском.

Он сидел за большим столом в дальнем конце зала, над раскрытой книгой. Пожилой — лет шестидесяти, — невысокий, сутулый, в поношенной тёмной мантии. Седые волосы, собранные в хвост. Аккуратная седая бородка. Очки в тонкой оправе, сдвинутые на кончик носа. Пальцы — в чернилах. Не синих, не чёрных. Красноватых, медно-рыжих, как ржавчина.

Когда мы подошли, он поднял голову, увидел меня — и улыбнулся. Широко, тепло, радостно. Так улыбаются старые учёные, когда к ним наконец приходит кто-то, кто может понять, чем они всю жизнь занимаются.

— Госпожа Ветрова! — Он встал, едва не опрокинув чернильницу. — Простите. Простите. Я так ждал. Эрвин Сайм, толмач короны. Мой род переводит с драконьего уже триста лет. Отец, дед, прадед. Нас всегда было мало. Сейчас — только я. — Он покачал головой. — Пятьдесят лет я ждал, что кто-нибудь заинтересуется. Хоть кто-нибудь. А тут — нотариус. Из другого мира. Это… это чудо.

Он пожал мне руку. Обеими своими. Тёплыми, сухими, испачканными медно-рыжими чернилами.

Я смотрела на него.

Над ним ничего не светилось. Ни ярко, ни тускло. Просто — человек. Как любой человек, который не произносит обещаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.